

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛИНИЮ ФРОНТА

Ток прекратился. Я свистнул, услышал ответ и выбрался из шалаша.

Солнце поднялось и пригревало. Поляна, совсем недавно еще седая от инея, теперь блестела, и, когда мы сошлись покурить, сапоги наши были до колен мокры.

— Ни черта не осталось, — вздохнул полковник. — Что значит бесснежная зима! Померзли, о наст побились...

Сняв очки, он протирал платком стекла и, устало сощурясь, разглядывал их на свет.

— В прошлом году здесь до двенадцати штук собиралось, а сегодня, — снова вздохнул, — пара... ленивых, — нацепил очки и спрятал платок. — Идемте полем, может, случайно какого... Там где-то токовали...

Я тоже слышал на заре еще два тока, один тетерев и сейчас «чуфыкал».

Вышли из леса, сразу увидели на дальнем взгорке подпрыгивавшего косача. Второй сидел метрах в полустах от него.

— Ну, к этим не подойти.

— Без толку, — согласился полковник. — Экая беда — ни черта не осталось. На глухарей, что ли, попробовать?

— Место знаете? — спросил я с надеждой.

— Есть неподалеку. Но вдвоем там не развернуться. Я кивнул: глухаринные тока, известно, хранят в секрете. Но ведь полковник сам уговорил меня сойти в Рысцове. Не окажись этого случайного попутчика, я бы охотился в своей Можарке, где худо-бедно, а вальдшнепов настрелял бы.

— Да и погода дурацкая. То вроде ничего, а то дождь, как вчера. А в дождь они не поют, сами знаете... — Полковнику стало неловко, и он замолчал.

Я тоже молчал, завидуя полковнику, понимая его и все-таки назвав про себя «жмотом».

Прошли еще немного. Вдруг он остановился.

— Вот, кстати, тот сарай, вон развалюха, видите? — И даже как-то обрадовался оттого, что нашел тему для разговора. — Вот там нас и «накрыли». Двоих сразу — у немцев там пулемет был. Мы — к лесу. Пока бежали — еще двоих: Пряхина и сержанта, который из другой роты, прибилась к нам. Помните, я рассказывал?

— Помню, помню. — Я все еще обижался на полковника.

— Ну а мы с Емелей удрали. Вечер уж был — они в лес не решились. Добрались мы, значит, до Мшаны... Вот где глухарей, между прочим! Но далеко, черт возьми, и места жуткие!

— Сколько?

— Да километров двенадцать будет.

— Двенадцать — ерунда, — возразил я.

— Километры бывают разные, — многозначительно указал полковник и продолжал: — Ну вот, сидим у болота, дальше идти нельзя — через Мшану не перебраться, а утром наверняка за нами придут... Да, брат, тебе ничего этого не досталось. Ты даже не видел их...

Я промолчал, хотя я видел «их». Правда, были они без погон и строили дома на Хорошевке. Иногда стучались в дверь, просили воды. Отец принесил воды, хлеба, они смотрели на его пустой рукав и тихо говорили: «Данке».

— А ночью еще в передрагу эту попали: немцы летели бомбить, наши встретили, те побросали бомбы — и назад. Представляешь: темень, рев, бомбы сыплются, деревья трещат, из болота грязь! Емелю там и зацепило. Осколком. В живот! — неожиданно зло сказал полковник и поморщился, словно от боли.

Я подумал, что в моей жизни не было, да и едва ли могло быть такое, о чем и через тридцать лет я вспомнил бы с похожей горечью и болью. Это счастье, наверное. И даже вполне определенно — счастье. Однако во мне шевельнулось чувство вины, словно... нет, конечно, мы не сами выбираем себе год рождения, и все-таки...

— Пришлось податься на юг вдоль болота. Утром слышал стрельбу — лес прочесывали. В общем, на третий день выкарабкался.

— А потом?

— Что?

— Во время наступления?

— Это уже на другом фронте. Здесь потом никого не было — немцы сразу большой кусок отдали. А я довоевался до упора, дважды ранен. В грудь — удачно, а в ногу... Хоть и стараюсь не хромать... А после войны сразу приехал. Четверых нашел, позарыты были кто где. Вот они-то как раз на станции теперь похоронены: Пряхин, сержант и те двое. А Емелю отыскать не удалось. Каждый год приезжаю, на Мшану ходил, местных все время спрашиваю, но редко кто там бывает. Это раньше когда-то старики охотники хаживали, даже на другую сторону перебирались, а теперь...

Мы разрядили ружья, миновали крайнюю избу, и чей-то гончий пес, увидев нас, взвыл от тоски и зависти — ему-то до поздней осени не бывать в лесу.

Набравши наставлений и советов, в полдень я ушел искать тока. Держал все на восток, к Мшане. Километры и впрямь были нелегкие: бурелом, мхи, сырые низины, потом попался гнилой березняк: земля — месиво,

лежал, укрывшись многолетней хвоей, и только выржавшая каска оставалась наверху. Я отпрянул, хотел бежать в деревню к полковнику, но неожиданное соображение остановило меня.

...Возвращался я тем же неудобным, но, по-видимому, единственно возможным образом: вплавь, потом соскальзывая с кочек, потом пробираясь между правильно-круглыми окнами воды. Я понял, что это затянувшиеся болотной жижей воронки.

В деревню пришел часам к двенадцати. Полковник завтракал. Был «с полем», но не слишком радовался: глухарь достался случайно: сел над головой — и все. А без песни глухарь — не глухарь.

Я медлил, сомневался, говорил все не о том: как шел к Мшане, как вышел на кабаньей березняк.

— Ну, это ты сильно вправо взял. Самые тока левее, севернее, а ты вправо, — полковник показал рукой, где право, и пожал плечами: сам, мол, виноват, тебе ж говорили, куда идти. — А березняк южнее. Там где-то мы и сидели. Там где-то Емеля и остался... Я ведь там все излазил! И никаких следов, ни черта не нашел!

— Я нашел.

— Что?

— Емельянова.

Лицо его сделалось серым:

— Где?

— За Мшаной. — И рассказал...

— Все правильно, — прохрипел полковник и откашлялся. Помолчал, шепотом повторил: — Правильно. — Закрыв лицо руками. — Он был еще жив, бредил... Я не решился тащить его ни через Мшану, ни к железной дороге. Мы бы оба погибли, понимаете?! — Сжал виски. — Застрелить его я тоже не мог. И ушел... Все равно, думал, до утра не дотянет. А он, стало быть, дотянул. — Полковник опустил руки и внимательно посмотрел на меня.

«И даже хватило сил через Мшану перебраться», —

промолчал я. Полковник, словно угадав мои мысли, кивнул.

— Все эти годы я мучился, не мог простить себе... Я воевал, я дрался! — отчаянно воскликнул он и затих. — Погибнуть надо было... вместе, — сказал он, кажется, одному себе. — Должны были оба погибнуть.

Я вытащил из ягдташа проржавевший ТТ.

— Его пистолет, — согласился полковник, несколько сосредоточившись.

— А что, — спросил я, — Емельянов левша?

— Вроде, — сказал он, припоминая. — А откуда вы знаете?

— Дырка в левом виске.

Он кивнул, взял пистолет, подержал на ладони, потом достал из кармана нож и расковырял ржавую рукоятку — ни одного патрона.

— Полная обойма была, — заметил он, убирая нож и поднимаясь. — Вот так-то... Значит, как перейдешь, вверх по Мшане?

— Да метров двести. Я там нацепил на сосну кольцо бересты.

Он подошел к окну:

— Удивительный день — похож на тот. А была осень. И, между прочим, красивая осень. Любоваться времени не было, но помню: сказочная! И сегодня прекрасный день!.. Ты вот что, — сказал он, не оборачиваясь, — оставь меня. — И тихо повторил: — Оставь.

Я почувствовал неопределенную тревогу:

— Полковник, вам, как и Емеле, я обязан жизнью.

Он обернулся:

— Ну и что?

— Надеюсь, вы не станете предпринимать...

— Мальчишка! — сказал, как будто плюнул мне в лицо.

Я попрощался с хозяйкой — глухой старухой и вышел.

Да, был по-осеннему призрачен и прозрачен этот апрельский день. Изумрудная озимь, умытая росой, сияла, на сиреневые бревна изб ложились черные тени сырости, но, как бывает и осенью, даль туманилась, покрывая лес тусклым, темнеющим серебром. Я запомнил все краски нарочно, потому что полковник назвал день сказочным и прекрасным, «похожим на тот».

Через два часа был на станции. Подошел поезд — паровоз, два вагона, — я забился в пустое купе, и, чем дальше от линии фронта, тем мучительнее становились мысли о предстоящей встрече полковника с Емельяновым.

Да как же так получилось, что обида за Емельянова и желание восстановить справедливость — чувства, в правоте которых я был уверен, — вдруг соединились с чувством горькой моей вины? Где был я прав? Где не прав? Проклятый случай... Нет уж! Не дай нам бог судить не наше время!